

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61¹¹
Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с
жалобой гражданки Л.В.Ваулиной

город Санкт-Петербург

30 октября 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина,
Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61¹¹ Федерального закона «О
несостоятельности (банкротстве)».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки
Л.В.Ваулиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся
неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции
Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М.Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В силу статьи 61¹¹ Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов лицо, к ней привлекаемое, если оно докажет, что при исполнении функций органов управления или учредителя (участника) юридического лица фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально), и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица (пункт 9);

размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника; размер такой ответственности подлежит уменьшению, если контролирующим должника лицом будет доказано, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по его вине, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за его счет; требования, принадлежащие контролирующему должника лицу либо заинтересованным по отношению к нему лицам, не включаются в размер такой ответственности и не подлежат удовлетворению за счет средств, взысканных с этого лица (пункт 11).

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривает гражданка Л.В.Ваулина.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 20 апреля 2021 года, оставленным без изменения постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2021 года, Л.В.Ваулина и гражданин Ч. по требованию налогового органа привлечены к субсидиарной ответственности по обязательствам общества с ограниченной ответственностью, с них солидарно взысканы сумма задолженности по налогам, пени и штраф. В проверенный налоговым органом период Л.В.Ваулина была руководителем общества и единственным его учредителем, а Ч. – генеральным директором и учредителем еще одного общества с ограниченной ответственностью – контрагента первого.

Однако Арбитражный суд Московского округа постановлением от 21 октября 2021 года указанные судебные акты отменил в части определения размера субсидиарной ответственности и в этой части направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что акты судов первой и апелляционной инстанций не содержат обоснования размера ответственности (121 904 859 руб. 60 коп.) и потому вынесены при неполно выясненных обстоятельствах. В свою очередь, судья Верховного Суда Российской Федерации определением от 24 декабря 2021 года отказал Л.В.Ваулиной в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам данного суда.

При новом рассмотрении дела решением Арбитражного суда города Москвы от 22 июня 2022 года с Л.В.Ваулиной и Ч. солидарно взысканы 117 360 234 руб., из которых 81 954 720 руб. – основной долг, 23 704 631 руб. – пени, 11 700 883 руб. – штраф. Постановлениями Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 октября 2022 года и Арбитражного суда Московского округа от 19 декабря 2022 года это решение оставлено без изменения, с чем согласился судья Верховного Суда Российской Федерации в определении от 10 марта 2023 года об отказе в передаче кассационной жалобы Л.В.Ваулиной для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам данного суда.

По мнению заявительницы, оспариваемые нормы неконституционны в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они позволяют суду привлечь контролирующее должника лицо к субсидиарной ответственности исключительно на основании решения налогового органа, вынесенного в отношении организации-должника, в размере, указанном в этом решении, без проверки судом фактических обстоятельств дела и без исследования доводов и доказательств, представленных контролирующим должника лицом в опровержение выводов налогового органа, тем самым лишая субсидиарного должника права на судебную защиту. Кроме того, она полагает, что взыскание в составе субсидиарной ответственности контролирующего должника лица налоговых штрафов, наложенных на организацию-должника, нарушает принцип индивидуализации юридической ответственности. Запрет же перекладывать штраф, назначенный юридическому лицу, на физическое лицо подтверждается, на ее взгляд, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в постановлениях от 28 ноября 2017 года № 34-П и от 8 декабря 2017 года № 39-П. Л.В.Ваулина утверждает, что оспариваемые нормы нарушают общие принципы возмещения вреда и неприкосновенности собственности, предполагая привлечение лица к ответственности без учета его индивидуальных особенностей (степени вины, имущественного положения и др.) и без учета принципов соразмерности, справедливости, адекватности наказания.

Заявительница просит признать пункты 9 и 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве противоречащими статьям 2, 6 (часть 2), 19 (часть 1), 35, 46 (часть 1), 49 и 54 Конституции Российской Федерации.

1.2. Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросам о конституционно-правовом смысле действующего регулирования отношений, связанных с банкротством, указал, что одна из целей Закона о банкротстве – обеспечить права реальных и потенциальных кредиторов. Законодатель вправе принять меры для минимизации негативных последствий неплатежеспособности должников. Эти меры, предусмотренные Законом о банкротстве и Гражданским кодексом Российской Федерации, призваны предотвратить банкротство и

восстановить платежеспособность, а при признании должника банкротом – создать условия для справедливого удовлетворения экономических и юридических интересов кредиторов (постановления от 12 марта 2001 года № 4-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 18 мая 2015 года № 10-П и др.).

Касаясь проблемы реализации контролирующим должника лицом права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 ноября 2021 года № 49-П пришел к выводу, что обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений в рамках процедуры банкротства предполагает право такого лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, оспорить судебный акт о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов, в том числе судебный акт, принятый без участия такого лица. С учетом правовых позиций, изложенных в данном Постановлении, законодатель дополнил статью 34 Закона о банкротстве пунктом 4, прямо предусмотрев право контролирующего должника лица участвовать в деле о банкротстве при рассмотрении вопросов, решение которых может повлиять на привлечение его к ответственности и на ее размер, в том числе обжаловать принятые по данным вопросам судебные акты; эта норма применяется и к делам о банкротстве, возбужденным до дня ее введения (пункт 1 статьи 1 и часть 3 статьи 2 Федерального закона от 21 ноября 2022 года № 452-ФЗ).

Опираясь на данное Постановление, судебная практика также исходит из того, что контролирующему лицу, в отношении которого в рамках дела о банкротстве рассматривается вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности, должно быть обеспечено право на судебную защиту посредством рассмотрения компетентным судом его возражений относительно обоснованности требования кредитора, в том числе требования налогового органа, основанного на результатах проведенных в отношении должника мероприятий налогового контроля. Если вопрос о законности решения налогового органа разрешается вне рамок дела о банкротстве, в частности при рассмотрении дела в порядке главы 24 АПК Российской Федерации,

контролирующему лицу, в отношении которого в установленном порядке предъявлено требование о привлечении к субсидиарной ответственности, право на судебную защиту должно быть предоставлено в аналогичном объеме: такое лицо вправе вступить в дело в качестве третьего лица согласно статье 51 данного Кодекса, а в случае, когда по делу уже вынесен судебный акт, которым спор разрешен по существу, – вправе обжаловать решение суда в апелляционном и кассационном порядке применительно к его статье 42 (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2023 года № 303-ЭС22-22958 и от 25 августа 2023 года № 303-ЭС21-21101).

Когда же решение налогового органа о привлечении к налоговой ответственности, позднее учтенное арбитражным судом при включении требования в реестр требований кредиторов, самим налогоплательщиком-должником в порядке главы 24 АПК Российской Федерации не обжаловалось, закон, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, не препятствует судебной защите бывшим руководителем налогоплательщика своих прав в случае предъявления к нему самостоятельных требований, связанных с нарушением налогоплательщиком налогового законодательства, посредством обжалования определения арбитражного суда о включении требования налогового органа в реестр требований кредиторов. При этом разрешению подлежит и вопрос о том, могло ли контролирующее должника лицо с учетом имеющихся у него возможностей определять действия юридического лица, инициировать обжалование решения налогового органа самим налогоплательщиком (определения от 31 мая 2022 года № 1153-О, от 29 сентября 2022 года № 2645-О, от 25 апреля 2023 года № 783-О и № 882-О и др.).

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации с опорой на положения Конституции Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица при невозможности полного погашения требований кредиторов (статья 61¹¹ Закона о банкротстве и пункт 4 статьи 10 прежней его редакции). Привлечение к такой ответственности предусматривает учет вины контролирующего лица в

признании должника банкротом, предполагает проверку наличия причинно-следственной связи между действиями (бездействием) этого лица и фактически наступившим банкротством, преследует цели достичь определенности в вопросе о размере ответственности и обеспечить баланс имущественных интересов как привлекаемого к ней лица, так и кредиторов должника. Контролирующее лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения должником обязательств перед кредиторами. Стандарт добросовестного поведения кредитора как стороны спора о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица предполагает невозможность безосновательно ссылаться на трудности в доказывании противоправности поведения ответчика и причинной связи между таким поведением и вредом при наличии фактически полного доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника. При распределении бремени доказывания наличия или отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности необходимо принимать во внимание как добросовестность контролирующего лица, включая исполнение им своей обязанности по учету интересов кредитора, в том числе при рассмотрении дела в суде, так и процессуальную добросовестность кредитора (Постановление от 7 февраля 2023 года № 6-П; определения от 31 марта 2022 года № 593-О и № 656-О, от 31 января 2023 года № 141-О, от 28 февраля 2023 года № 365-О и др.).

В Постановлении от 8 декабря 2017 года № 39-П Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика и возникший в результате уголовно-противоправных действий этого лица, возможно (за исключением случаев, когда судом установлено, что юридическое лицо служит лишь прикрытием для действий контролирующего его физического лица, т.е. *de facto* не является

самостоятельным участником экономической деятельности) лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения предусмотренных законом механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке, в частности после внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении этой организации, либо в случаях, когда организация-налогоплательщик фактически является недействующей, в связи с чем взыскание с нее или с указанных лиц налоговой недоимки и пени в порядке налогового и гражданского законодательства невозможно.

1.3. Субсидиарная ответственность контролирующих организацию лиц является, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, по своей природе деликтной (постановления от 21 мая 2021 года № 20-П, от 16 ноября 2021 года № 49-П и от 7 февраля 2023 года № 6-П; Определение от 27 июня 2023 года № 1522-О). На деликтную природу ответственности, предусмотренной статьей 61¹¹ Закона о банкротстве (пунктом 4 его статьи 10 в прежней редакции), указывал и Верховный Суд Российской Федерации, обращая внимание на то, что она по своей сути является ответственностью контролирующего лица по собственному обязательству – обязательству из причинения вреда имущественным правам кредиторов, возникшего в результате его неправомерных действий (бездействия), которые выходят за пределы обычного делового риска, стали необходимой причиной банкротства должника и привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов (к обесцениванию их обязательственных прав). Правовым основанием иска о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности выступают, помимо прочего, правила о деликте, в том числе закрепленные в статье 1064 ГК Российской Федерации (пункты 2, 6 и 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» и пункт 16 Обзора судебной практики

Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утвержденного его Президиумом 10 ноября 2021 года).

Вместе с тем деликтный характер субсидиарной ответственности контролирующего лица не исключает права законодателя установить ряд ее особенностей с учетом специфики привлечения к ответственности физических лиц за ущерб, причиненный контролируемым юридическим лицом. Так, согласно пункту 9 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве арбитражный суд вправе уменьшить размер или полностью освободить от субсидиарной ответственности, если привлекаемое к ней лицо докажет, что оно, исполняя функции органов управления или учредителя (участника) организации, фактически не оказывало определяющего влияния на ее деятельность, и если благодаря этому лицу установлено фактически контролировавшее должника лицо или обнаружено скрывавшееся последним имущество должника либо контролирующего должника лица. Пункт 11 той же статьи предусматривает уменьшение размера субсидиарной ответственности, если будет доказано, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине контролирующего лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за его счет. В силу же ее пункта 10 контролирующее лицо не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует, в том числе если оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов. Такое регулирование направлено на защиту прав и законных интересов контролирующего должника лица.

По смыслу, придаваемому пункту 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве правоприменительной практикой, основанием к уменьшению размера субсидиарной ответственности привлекаемых к ней лиц могут служить, в частности: имевшие место помимо действий (бездействия) ответчиков обстоятельства, повлекшие неплатежеспособность должника; доказанная

ответчиком явная несоразмерность причиненного им вреда объему реестра требований кредиторов; деятельное раскаяние ответчика, например погашение вреда в причиненном размере, способствование нахождению имущества должника или иных бенефициаров (пункт 29 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2023 года; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2022 года № 308-ЭС16-6482 (24, 25).

Тем самым законодательство о банкротстве и правоприменительная практика исходят из необходимости проверки и оценки судом всех фактических обстоятельств дела и доводов, приведенных контролирующим должника лицом. Размер субсидиарной ответственности устанавливается только при наличии вины, доказанной причинно-следственной связи между банкротством должника и поведением контролирующего лица, а также с учетом его последующего поведения, способствующего наполнению конкурсной массы. Поэтому нет оснований рассматривать оспариваемые нормы как нарушающие в данном аспекте права Л.В.Ваулиной.

Что же касается поставленного заявительницей вопроса об отсутствии в оспариваемых нормах указания на возможность уменьшить размер субсидиарной ответственности в зависимости от имущественного и семейного положения привлекаемого к ней лица, то на данное основание для возможного смягчения ответственности она ссылается в жалобе во взаимосвязи с другими, обусловленными поведением лица в ходе деятельности организации и при ее банкротстве. Суды же, привлекая Л.В.Ваулину и Ч. к субсидиарной ответственности, сочли доказанным, что они, будучи контролирующими должника лицами, совершили согласованные и скоординированные действия по созданию схемы фиктивного документооборота и отражению в отчетности мнимых хозяйственных операций с контрагентами в целях получения необоснованной выгоды и это повлекло существенное ухудшение финансового положения должника,

невозможность погасить требования кредиторов. При этом из материалов, приложенных к жалобе (в частности, актов арбитражных судов, принятых при первоначальном рассмотрении дела), не следует, что Л.В.Ваулина представила доказательства, свидетельствовавшие о наличии внешних (объективных) факторов, приведших к увеличению обязательств общества, или предприняла какие-либо действия, которые могли бы помочь восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь.

В Определении от 14 декабря 2021 года № 2644-О Конституционный Суд Российской Федерации выразил следующую правовую позицию. С учетом положений Конституции Российской Федерации, ее статей 15 (часть 2) об обязанности всех соблюдать закон и 17 (часть 3) о недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц не могут пользоваться защитой закона и суда денежные притязания, которые – вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом – основаны на недобросовестном использовании возможностей, предоставленных действующим правовым регулированием. Иное вынуждало бы суд присуждать выплаты по такого рода требованиям и тем самым предоставлять им защиту вопреки определенному Конституцией Российской Федерации, ее статьями 1 (часть 1), 18, 45, 46 (части 1 и 2) и 118 (часть 1), назначению правового государства и правосудия. Данная позиция применима и к случаям, когда притязание лица состоит в получении блага в виде уменьшения своих законно установленных обязательств, причем исходя не из собственного поведения, направленного на заглаживание неблагоприятных последствий своих неправомерных действий, а из личных обстоятельств, не относимых непосредственно к существу спорных правоотношений.

В связи с этим жалоба Л.В.Ваулиной не может быть принята к рассмотрению и в части поставленного ею вопроса о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности на основе ранее принятого решения налогового органа без возможности учесть доводы

этого лица об имущественном положении и иных особенностях при определении размера субсидиарной ответственности.

1.4. Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве в той мере, в какой на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о включении в состав субсидиарной ответственности контролирующего должника лица налоговых штрафов, наложенных на организацию-должника за совершение налоговых правонарушений.

Производство же по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 9 той же статьи, как относимого только к поставленному заявителем вопросу о возможности привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, исходя из ранее принятого решения налогового органа, без возможности опровержения содержащихся в нем выводов и установленного им размера налоговой задолженности, исследования доводов и доказательств, представленных контролирующим должника лицом в опровержение соответствующих выводов, а также без учета его доводов об имущественном положении и иных особенностях при определении размера субсидиарной ответственности подлежит прекращению в силу части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» ввиду отсутствия оснований для рассмотрения дела.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, относит к числу прав и свобод, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской, иной не запрещенной законом экономической деятельности и право частной собственности, охраняемое законом и включающее в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им

как единолично, так и совместно с другими (статья 2; статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, части 1 и 2).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (часть 2), 17, 19, 45 (часть 1), 71 (пункты «а», «в», «о»), 72 (пункты «б», «к» части 1) и 76 (части 1 и 2) следует, что для защиты прав и свобод человека и гражданина, для обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности законодатель не только может, но и должен использовать все доступные ему средства, включая установление ответственности за противоправные деяния. В связи с этим в Гражданском кодексе Российской Федерации он отнес к способам защиты гражданских, в том числе имущественных, прав возмещение убытков (статья 12) и предусмотрел, что лицо, чье право нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков (пункт 1 статьи 15).

Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8, часть 2). Следовательно, защите в рамках гражданско-правового регулирования подлежат имущественные права не только граждан, но и публично-правовых образований, включая само государство, как потерпевших от правонарушений, связанных с неуплатой налогов, невозможность получения которых публично-правовым образованием может расцениваться как утрата им определенного имущественного права.

В свою очередь, регулируя отношения банкротства, законодатель призван обеспечить их участникам справедливое соотношение прав и обязанностей, отвечающее их разумным ожиданиям, потребностям рынка, социально-экономической ситуации в стране, не ущемляющее свободу экономической деятельности и не подавляющее предпринимательскую инициативу, а также предусмотреть такие условия привлечения к налоговой, административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности на основе принципов равенства, пропорциональности и правовой определенности, которые были бы соразмерны тяжести содеянного и

последствиям нарушения обязанностей, в том числе обязательств перед бюджетами, не допуская ограничения прав и свобод вопреки закрепленным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации не раз отмечал, что главная задача процедуры банкротства – соразмерное удовлетворение требований кредиторов, которыми могут выступать и публично-правовые образования в лице своих органов, в том числе налоговых, требующих уплаты обязательных платежей (Постановление от 31 мая 2023 года № 28-П; определения от 8 июня 2004 года № 254-О, от 16 ноября 2006 года № 489-О и др.). Государство вправе принимать все меры, направленные на понуждение не только налогоплательщика к полной и своевременной уплате сумм налога и дополнительных платежей, обусловленных налоговым правонарушением, но и – в случае банкротства юридического лица – контролирурующих его лиц, включая привлечение виновных к установленной законом ответственности с учетом характера и степени общественной опасности совершенных ими деяний.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из публично-правовой природы государственной власти и из понимания налогов как элемента финансовой основы государства, обязанность платить законно установленные налоги и сборы, закрепленная в статье 57 Конституции Российской Федерации, имеет публично-, а не частноправовой характер; налоговые правоотношения основаны на властном подчинении одной стороны другой и предполагают их субординацию. Органы публичной власти наделены полномочием в односторонне-властном порядке, путем принуждения взыскивать с лица причитающиеся налоговые суммы, а налоговая ответственность является публично-правовой (постановления от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 14 июля 2005 года № 9-П и др.; определения от 7 декабря 2010 года № 1572-О-О, от 10 марта 2016 года № 571-О и др.). Вместе с тем субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц имеет не публично-, а частноправовой характер, являясь мерой гражданско-правовой ответственности, функция которой заключается в защите

нарушенных прав кредиторов, в восстановлении их имущественного положения (постановления от 21 мая 2021 года № 20-П и от 16 ноября 2021 года № 49-П).

В Постановлении от 8 декабря 2017 года № 39-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что в силу статьи 8 ГК Российской Федерации гражданские права и обязанности возникают, в частности, вследствие причинения вреда другому лицу в том числе действиями, в результате которых публично-правовое образование – потерпевшее лицо лишается возможности получить имущество в виде налоговых поступлений в бюджет от юридического лица – налогоплательщика. В этих случаях между причинителем вреда – физическим лицом, совершившим действия, которые повлекли невозможность реализации налоговых обязанностей таким налогоплательщиком либо принудительного их исполнения в рамках налоговых правоотношений, т.е. фактическое прекращение последних, и потерпевшим – публично-правовым образованием возникают гражданские правоотношения, а значит, не исключается привлечение физического лица помимо административной или уголовной ответственности и к деликтной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством, в той мере, в какой им содеянное сопровождается причинением вреда бюджетам публично-правовых образований.

При привлечении лица к субсидиарной ответственности в связи с неуплатой налогов должником, являющимся банкротом, это лицо компенсирует ущерб, причиненный должнику (кредиторам), а не несет ответственность за налоговые правонарушения должника, т.е. имеет место трансформация налоговых отношений в гражданско-правовые. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в названном Постановлении, то обстоятельство, что поступление налоговых платежей в бюджет происходит на основании не гражданско-, а публично-правовых (налоговых) норм, не означает обязательность регулирования только Налоговым кодексом Российской Федерации отношений по поводу возмещения ущерба, причиненного бюджетам Российской Федерации, ее

субъектов и муниципальных образований. В порядке, предусмотренном данным Кодексом – положениями которого определяются последствия неисполнения налоговых обязанностей, вызванного неправомерными действиями организации-налогоплательщика и физических лиц, могущих влиять на исполнение ею налоговых обязательств, – несет ответственность сама организация как налогоплательщик, т.е. юридическое лицо, а в порядке, установленном нормами уголовного, административного и гражданского законодательства, могут нести ответственность указанные физические лица. Иными словами, правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда, причиненного бюджетам публично-правовых образований в результате невозможности получения налогов, может обеспечиваться за счет инструментария гражданского права.

3. По смыслу пункта 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица равен совокупному размеру требований кредиторов, включая требования кредиторов по обязательным платежам, оставшиеся не погашенными по причине недостаточности имущества должника. Таким образом, объем ответственности субсидиарного должника совпадает с объемом ответственности основного должника или не может превышать этого объема, если иное не установлено законом.

К обязательным платежам, согласно статье 2 Закона о банкротстве, относятся налоги, сборы и иные обязательные взносы, в том числе штрафы и пени за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налогов, сборов и иных обязательных взносов в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации или государственные внебюджетные фонды, а также административные штрафы и штрафы, введенные уголовным законом. Как гласит пункт 2 его статьи 11, органы исполнительной власти и организации, наделенные в соответствии с законодательством Российской Федерации правом взыскания задолженности по обязательным платежам, вправе участвовать в судебных заседаниях по рассмотрению обоснованности требований по этим платежам и оснований

для включения этих требований в реестр требований кредиторов. В силу же статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации задолженностью по уплате налогов, сборов и страховых взносов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации признается общая сумма недоимок, а также не уплаченных обязанным лицом пеней, штрафов и процентов, предусмотренных данным Кодексом.

В налоговом праве (статья 114 Налогового кодекса Российской Федерации) штраф – это налоговая санкция, являющаяся мерой финансовой ответственности за совершение налогового правонарушения. Штраф, будучи формой денежного взыскания, означает дополнительное имущественное обременение правонарушителя карательного характера для обеспечения охраны установленного порядка исполнения обязанностей. В связи с этим любые штрафы за налоговые правонарушения подлежат включению – наряду с налогами, сборами и пенями – в реестр требований кредиторов.

Правоприменительная практика, во многом опираясь на буквальный смысл действующих норм, исходит из того, что если невозможность исполнения обязанности должника по уплате штрафа наступила в связи с виновными действиями контролирующих лиц (в том числе теми, которые привели к формированию данной задолженности), то указанные лица несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника в части соответствующих штрафов. Это подтверждается, в частности, судебными актами по делу заявительницы.

Правовое регулирование, предусматривающее включение штрафов в состав налоговой задолженности, было предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 8 декабря 2017 года № 39-П он признал не противоречащими Конституции Российской Федерации статью 15, пункт 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации и подпункт 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу эти положения в том числе не могут использоваться для взыскания с физических лиц штрафов за налоговые правонарушения, наложенных на организацию-

налогоплательщика, поскольку понимание подлежащего возмещению вреда как включающего в себя не только недоимку и пени, но и штрафы, не уплаченные организацией, не может быть распространено на случаи возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе лицами, подвергшимися уголовному преследованию за налоговые преступления и вследствие этого привлеченными к деликтной ответственности. При этом Конституционный Суд Российской Федерации основывался на своей правовой позиции, сформулированной в Постановлении от 17 декабря 1996 года № 20-П, о том, что взыскание всей суммы сокрытого или заниженного дохода (прибыли) и различного рода штрафов по своему существу выходит за рамки налогового обязательства как такового, носит не восстановительный, а карательный характер и является наказанием за налоговое правонарушение, т.е. за предусмотренное законом противоправное виновное деяние, совершенное умышленно либо по неосторожности. Воспроизведя эту позицию, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что вред, причиняемый налоговыми правонарушениями, заключается в непоступлении в бюджет соответствующего уровня неуплаченных налогов (недоимки) и пеней.

Конституционный Суд Российской Федерации вынес Постановление от 8 декабря 2017 года № 39-П по жалобам граждан, которые были руководителями и бухгалтером организаций, имевших задолженность по уплате налогов, и денежные суммы с которых взыскивались в порядке возмещения ущерба, причиненного бюджету в результате совершения налогового преступления. Тем не менее деликтный характер субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, позволяет распространить правовую позицию, выраженную в названном Постановлении, и на правоотношения, ставшие предметом исследования по настоящему делу.

Различие в порядке привлечения к гражданско-правовой ответственности при взыскании сумм налоговой задолженности организаций с физических лиц, контролирующих деятельность этих организаций, не является столь существенным, чтобы оно обуславливало разницу в подходе к

определению размера взыскиваемых денежных средств: в одном случае – с учетом выводов Конституционного Суда Российской Федерации без суммы штрафов, а в другом – с учетом суммы штрафов. В обоих случаях ответственность носит деликтный характер и требуется установить все элементы состава гражданского правонарушения. При этом субъективное усмотрение государственных органов (будь то органы прокуратуры или налоговые органы) в выборе конкретного механизма защиты интересов бюджета не должно приводить к столь значительным последствиям для имущественного положения физического лица, виновного в невозможности полного погашения требований кредиторов организации-налогоплательщика.

Принципам справедливости и соразмерности во всяком случае не отвечала бы ситуация, когда лица, чьи действия по уклонению от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией, получили негативную уголовно-правовую оценку, не несут бремя уплаты штрафа за налоговое правонарушение, наложенного на эту организацию (в том числе при ее прекращении или при установлении, что она является фактически недействующей), а контролирующие должника лица, чьи действия такую оценку не получили, данное бремя в порядке субсидиарной ответственности за действия организации-должника при ее банкротстве несут.

Таким образом, пункт 11 статьи 61¹¹ Закона о банкротстве не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может использоваться для взыскания с лица, контролирующего должника, в составе субсидиарной ответственности суммы штрафов за налоговые правонарушения, наложенных на организацию-налогоплательщика.

Иной подход вступал бы в противоречие с Конституцией Российской Федерации, прежде всего с ее статьями 19, 35 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2) и 55, и с основанной на них правовой позицией, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 17 декабря 1996 года № 20-П и от 8 декабря 2017 года № 39-П.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 11 статьи 61¹¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает взыскания с контролирурующих должника лиц суммы штрафов за налоговые правонарушения, наложенных на организацию-налогоплательщика.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 11 статьи 61¹¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 9 статьи 61¹¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

4. Судебные акты, вынесенные в отношении гражданки Ваулиной Людмилы Владимировны на основании пункта 11 статьи 61¹¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 50-П